

тицизм, як утвердження героїчного, жертвовного начала, віри у перетворення світу на засадах справедливості, віри в неординарні особистості, на які можуть рівнятися маси.

Не сприймаючи «прози життя», неоромантики Е.-Л.Войніч, Р.Стівенсон, Дж.Конрад, А.КонанДойль (Англія), С.Георге, Р.М.Рільке (Австрія), Е.Ростан (Франція), С.Пшибишевський, С.Виспянський (Польща), М.Горький, В.Короленко, Л.Андреев (Росія) тощо творять передусім світ екзотики і пригод з винятковим героєм, котрий не протистоює середовищу, а прагнув неможливе зробити дійсним. Найповніше в українській літературі неоромантизм проявив себе у творчості Лесі Українки, а також в окремих творах О.Кобилянської, Г.Хоткевича, С.Черкасенка, М.Вороного, В.Сосюри, Ю.Яновського, О.Довженка тощо.

Неоромантичні тенденції зберігалися довгий час у літературі ХХ століття, зокрема у О.Гріна, Б.Лавренюва, О.Фадєєва, О.Гончара, М.Стельмаха, О.Коломійця, К.Кудієвського, В.Симоненка. Правда, то вже тема окремої розмови.

Список використаних джерел

1. Воробьевский Ю. Русский Голем: Дьяволиада мировой культуры / Ю. Воробьевский. – Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2005. – 358 с.
2. Воробьевский Ю. Шаг змеи: Дьявол в истории последнего тысячелетия / Ю. Воробьевский. – Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2003. – 525 с.
3. Горбовский А. А. Пророки? Прозорливцы? / А. А. Горбовский. – М., 1991. – 48 с.
4. Дунаев М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература ХУІІІ-ХХ веков / М. Дунаев. – М., 2003. – 1100 с.
5. МФ., 7, 13-14.

Romanticism is one of the major trends in literature that has been formed at the end of XVIII – beginning of XIX century in the contest with canons of classicism and educational realism.

Having shown the protest against reality, writers tried to oppose often inconceivable for themselves fanciful ideas/ The article is devoted directly to these and other phenomena in the process development of romanticism as a literary trend.

The attention is paid to romantics' inclination to intense plot, To contrasts in depiction, to giberbolization, metaphoricalness, fantasy, heroics, symbolism. It is declared in the article that the highest standards for romantics in social context were religion, art, philosophy, passion for folk-lore, historical thematic, human's spiritual universe. Their views for society often were opposite, subjective – from rebellious, protest to conservative and reactionary.

Author claims, romanticism has shown specific features in different countries, performing its appropriate functions – national, historical, social and cultural.

It is asserted in the article the principle of historicism in life depiction, in comprehension of social contradictions, usage of folk-lore motives, attention to personality, national identity, subjective relation to reality.

Author gives description to creative works of West-European romantics G.Byron, W.Scott, V.Hugo, Russian – A.Pushkin, M.Lermontov, F.Tyutchev, Ukrainian – early T.Shevchenko, E.Grebinka, P.Kulish.

The article is concluded by reflections about neoromanticism that was performed by R.Stivenson, M.Gorkyi, LesyaUkrainka, B.Korolenko, E.-L.Voynich, A.Grin.

Key words: *tendencies, world outlook, genres, epochs, historism, mythologism, philosophy, religion, mysticism.*

Отримано: 25.10.2014 р.

УДК 821.161.1

Кушка Б.Г.

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕННЯ ТЕМИ ЛЮБВИ В ПОЕЗІИ А. СОПРОВСКОГО

У статті розглянуті специфічні риси втілення теми кохання в поезії О. Сопровського. Ви-явлений органічний зв'язок теми кохання з комплексом громадянських мотивів і переживань в художньому світі поета. Також встановлені поетикальні засоби реалізації піднесеного пафосу у віршах Сопровського і визначений зв'язок поетики піднесеного з світоглядними установками поета, зокрема з чіткою ієрархічністю його ціннісних уявлень. Також окреслена еволюція теми кохання в пізній ліриці Сопровського, в якій громадянські мотиви змінюються на елегійні мотиви життєвого підсумку.

Ключові слова: лірика, тема, мотив, алюзія, піднесене.

Творчество Александра Сопровского, одного из самых ярких и одаренных поэтов поколения «семидесятников» (и одного из организаторов известной поэтической группы «Московское время»), до сих пор изучено крайне скудно. Исследователи современной поэзии отводят ему в литературном процессе последней трети XX в. довольно скромное место, ограничиваясь, как правило, лишь беглыми указаниями на неотрадиционалистский характер его творчества и типологическую близость акмеизму.

На наш взгляд, лирическая сила и художественная убедительность стихов этого поэта требуют более пристального исследования, прежде всего, своеобразия тех основ, на которых держится целое его поэзии. И в числе констант, которые формируют уникальную картину мира Сопровского, безусловно, находится любовь. Разумеется, трудно найти поэта, который не писал бы о любви, но у Сопровского эта вечная тема раскрыта по-своему, так что в ней оказываются воплощены все наиболее специфичные особенности его мировидения и художественного темперамента.

Прежде всего, не только в текстах Сопровского, но и, по свидетельствам друзей, в его поведенческой стратегии была ярко проявлена ценностная ориентированность, стремление во всем опираться на четкую иерархию ценностей. Как пишет близко друживший с ним С. Гандлевский: «Он (Сопровский. – Б. К.) терпеть не мог демократического смешения стилей, был мастером поведения. <...> Цельность Александра Сопровского состояла в том, что, будучи человеком подросткового непосредственным и азартным... он постоянно держал в уме очень жесткую шкалу мировоззренческих оценок» [1, 283–284].

И на этой незыблемой ценностной шкале любовь занимала, конечно, одну из самых высоких позиций. Этим обстоятельством обусловлен, прежде всего, возвышенный образный и стилиевой регистр стихов Сопровского о любви и полное отсутствие в них бытового измерения (что нехарактерно для поэзии XX века, стремящейся к раскрытию «бытия» через «быт», к «прозаизации» традиционных возвышенных поэтических тем и т.д.). При этом, стихи Сопровского не производят впечатления анахронизмов. Он умеет говорить возвышенно на современном языке – как, например, в стихотворении «Мы больше не будем на свете вдвоем...» [2, 53–54].

На создание возвышенного настроения здесь работает, прежде всего, образный строй, в котором преобладает образ-символ свечи как памяти и душевного горения, а также вечные образы природы (лес, роща – это единственные в стихотворении конкретные пространственные детали, так что природа выступает своеобразным пространством чувств). Не менее ощутимы и отсылки к высоким литературным претекстам, так же тяготеющим к возвышенному модусу. Здесь и гамлетовское «вспомни», и слышащееся в финале тютчевское: «Какое лето, что за лето! / Да это просто колдовство – / И как, прошу, далось нам это / Так ни с того и ни с сего?..».

Таким же возвышенным предстает мир любви и в стихотворениях «Любимая, считаю дни...», «Тебе, тебе, за тридевять земель...», «Под закрытыми веками белый туман...», «Я слишком долго ждал, я верил и не верил...», «Я опять возвращаюсь к тебе...», «Боже, как душа нетерпелива...» и др. И предельный эмоциональный градус переживания (например, часто ожидание развязки в отношениях с любимой переживается героем Сопровского как апокалиптическое), и природно-космический образный строй, преобладающий в художественном пространстве всех перечисленных стихотворений, и ненавязчиво, но постоянным фоном присутствующий интертекст высокой лирики пушкинской эпохи и Серебряного века – все это выводит тему любви у Сопровского в тот регистр, где любовь предстает силой, «что движет солнце и светила».

Однако высокий статус любви в ценностном мире поэта – это отнюдь не редкость; мировая литература знает множество великих «певцов любви», но своеобразие Сопровского состоит в том, что он возводит любовь на вершину аксиологической пирамиды, формируя полюс ценностей, противостоящих псевдо-ценностям общества «развитого социализма». Любовь в поэтическом мире Сопровского – это некое «противоядие» тлетворному духу эпохи. Следовательно, особенность ценностной интерпретации любви у Сопровского заключается в том, что универсальная, вечная категория любви у него, оставаясь таковой, наполняется злободневным звучанием. Вечная ценность любви оппонирует ложным, временным ценностям брежневского социума. Именно в этом смысле можно трактовать, например, посвящение своего творчества и одушевляющей его «страсти» в равной мере «любимой... и власти»: «Любимой, городу и власти, / Другим, прогулкам и листе / Посвящено дыханье страсти, / Нерастворенной в синеве...» [2, 88–89].

Пояснением к этим строкам может быть высказывание самого Сопровского в программной для него статье «Конец прекрасной эпохи». Говоря о невозможности для современного русского писателя игнорировать давление социума и жить только частной жизнью, быть просто частным человеком, Сопровский утверждает мысль, что на этом фоне социумного давления ценности личного бытия обретают общественное звучание, поскольку объективно противостоят этому давлению: «У нас литература (как и вся культура) делится на две, так сказать, зоны: авторитетная

официальная – и подавляемая независимая. Обе выделить из своих рядов «просто писателя» не в состоянии: одна не желает, а вторая не может» [2, 161]. Давление социумных условий («социально-материальных и юридических») на независимого писателя таково, что вывести эти условия за скобки своего творчества оказывается невозможным. В ответ на «ситуацию подавления» рождается особый стиль нонконформистской словесности – «стиль полуподпольного братства, пафос обреченного, но непобедимого дружества – и нищей, а оттого бесценной любви» [2, 162].

Следовательно, «братство», «дружество» и «любовь» оказываются не только ценностями личного бытия, но и формами сопротивления расчеловечивающей идеологии. Поэтому равно сильной «страстью» окрашиваются в процитированных стихах обращения и к «любимой», и к «власти», только в первом случае это страсть утверждения, а во втором – страсть отрицания. Отсюда – главная и очевидная особенность любовной темы у Сопровского: ее гражданское звучание, ее неотделимость от темы политической, общественной. И здесь тоже проявляется отношение Сопровского к диалектике интимно-личного, личного и общественного: любовь как сугубо личное переживание отражает неповторимость личности, а возрождение этой личностной неповторимости, индивидуальности человека, по убеждению Сопровского, является самой насущной общественной задачей: «Наше время требует общественного сплочения больше, чем всякое другое – но наше время требует больше всякого другого уважать личность, и первая цель общественного спасения – спасение личности. Так в наше время» [2, 618].

Особенно ярко сплав любовного и гражданского регистров лирического переживания представлен в лирической книге «1974». Уже в ее названии – дате – контаминированы смыслы интимного дневника, летописи любви, подобно блоковской дневниковости в «Стихах о Прекрасной Даме» (жена Сопровского поэтесса Т. Полетаева вспоминает: «Свою первую книгу стихов «1974» он написал в двадцать лет на одном дыхании. Это поэтический дневник его жизни изо дня в день, в течение года – всего около ста стихотворений» [2, 422]), и «летописи», фиксации исторического момента, ставшего пиком брежневского «безвременья» (именно 1974-й ознаменовался разгромом властями «бульдозерной» выставки художников-нонконформистов, высылкой А. Солженицына и вынужденных отъездов в эмиграцию В. Максимова, А. Галича, В. Некрасова, Н. Коржавина, Е. Эткинда и др., введением обязательной паспортной системы – причем, советский паспорт становился своеобразным досье, в которое были внесены данные о национальности, судимостях, прописке гражданина).

Рассмотрим этот сплав гражданского и интимного переживаний в книге Сопровского на одном из самых характерных примеров. Третья (заключительная) часть книги «1974» называется «При охлажденье бытия». В стихотворении, из которого взяты эти слова, фраза полностью звучит так: «При охлажденье бытия / Печаль и страсть сильны в природе» [2, 116], и слово «страсть» вновь здесь, как и в стихотворении «Любимой, городу и власти...», помещено в двойной контекст – личного и исторического бытия. И до неразличимости слиты в стихотворении пространство любви и социумное пространство. Можно считать это стихотворение своеобразной декларацией «нераздельности-неслиянности» гражданских и интимных переживаний, словно являющихся двумя сторонами одной «страсти», в эмоциональном мире поэзии Сопровского:

При охлажденье бытия
 Печаль и страсть сильны в природе,
 И оттого душа твоя
 Сегодня миру по погоде.
 И вновь толкается народ,
 И я ступаю одиноко
 От тесных Сретенских ворот
 До Грубной площади широкой [2, 115 – 116].

Возможность проекции состояния природы на пространство социума в этом стихотворении обусловлена контекстом творчества Сопровского, в художественном мире которого погода, время года всегда обозначают не только природное, но и социумное состояние (программными здесь являются такие стихотворения, как «В Европе дождливо (смотрите футбольный обзор)...», «На Крещение выдан нам был февраль...», «Я еще наверстаю свою синеву...», цикл «Ноябрь 83-го», а в книге «1974» – «Течет безостановочно февраль...», «Колыбельная», «Это страшно, что тают сугробы...», «Издыхаю снега. Даже им это вовсе не к спеху...» и др.). В этом контексте бьющиеся «ошметки листопада» и мертвенный бессолнечный свет в период «охлажденья бытия» – это метафоры «заморозков» и «застоя» в общественном климате позднего СССР, и одиночество лирического героя, переживающего душевную драму, органично включено в этот процесс «охлажденья бытия». Примеры переживания любви в неотделимости от переживания времени можно найти и в других стихах книги – таких, как «Чернеет ствольный ряд среди землистых луж...», «Бесконечная минута...», «Пока над миром майская звезда...», и особенно – в стихотворении «Пристани-

ще ветхой свободы...», где находим симптоматичное для Сопровского уподобление души стране: «При всем, что случится меж нами, / Душа, как большая страна, / Запуталась в прошлом корнями / И будущему предана...» [2, 118].

Но в дальнейшем можно пронаблюдать некоторую эволюцию темы любви в творчестве А. Сопровского. В его поздних стихах (конца 1980-х гг.) мы видим выход к некоему завершению темы любви, словно ее переживание предполагает уже не столько живую «страсть», как в стихах 1970-х, неразрывно связанную с переживанием времени, сколько припоминание и подытоживание. Это настроение ярко проявлено в одном из лирических шедевров Сопровского – в стихотворении «Школьница, ослушница, сестрица...» (1988 г.):

Школьница, ослушница, сестрица,
 Тихий омут – темная вода...
 Вспомнится, приснится, повторится
 Дней непоправимых череда.
 Мы упрямы, и судьба упряма.
 Ночь длинна, разлука далека.
 Завтра утром подниматься рано.
 Ты ложись, я посижу пока.
 Я не знаю, отчего с тобою
 Всякий раз, забудешься едва,
 В душу лезет давнее, родное,
 Чистые Пруды, 12 А.
 Слышишь – соблазнительный, опасный
 Прошлого несбывшегося зов?
 Снег искрится. Светит месяц ясный.
 И надежен наш последний кров.
 Угли красны, жар идет на убыль.
 Я задвину вьюшку для тепла.
 Видишь, как убийственно мы любим?
 Помнишь, как черемуха цвела?
 По душе тебе с таким отпетым?
 Отвернись, забудь, усни, прости...
 Залиты лилово-белым светом
 Железнодорожные пути.
 Зоркие озябшие созвездья
 Стерегут равнину до утра.
 Мы одни здесь, мы вдвоем, мы вместе.
 Милая, проснись. Вставать пора [2, 131].

Прежде всего, обратим внимание на тройной перечислительный ряд в первой строке. Этим зачином Сопровский вписывает свое стихотворение в контекст лирики высокого модернизма, где находим сразу несколько примеров аналогичных перечислительных рядов: «Невидимка, двойник, пересмешник» у Ахматовой, «институтка, кузина, Джульетта» у Мандельштама, «ангел, олененок, соколенок» у Тарковского. Это сразу вводит героиню Сопровского в возвышенно-элегический контекст, но отдельного комментария заслуживает и содержание этих трех определений: героиня, с которой, как ясно из стихотворения в дальнейшем, герой делит жизнь уже долгие годы, названа «школьницей», и тем самым словно очерчен длинный временной горизонт их отношений; «ослушница» – емкая характеристика героини как личности, надежной самостоятельной волей и независимостью; «сестрица» – определение предельной близости, внутреннего родства, в которое их любовь перешла со временем. И это время представлено «дней непоправимой чередой», которая еще длится (ночь в начале стихотворения и утро, когда «вставать пора», в финале), но из которой уже многое «вспоминается» и «повторяется». Тем самым создается образ любви, долгой, как жизнь, текущей вместе с жизнью через все дни и ночи. Но еще одна аллюзия выводит этот образ любви-жизни уже в метафизическую вечную реальность – это аллюзия на «Мастера и Маргариту», заключенная в строке «И надежен наш последний кров» и прозрачно отсылающая к «вечному приюту» Мастера и его подруги. Да и тут же упомянутые «красные угли» поддерживают ассоциацию с подвалом Мастера, где жизнь героев протекала у жарко растопленной печки, пламя которой так и не смогло убить слово Мастера. Всеми этими аллюзиями и формируется тот элегически-подытоживающий смысл темы любви в данном стихотворении, который маркирует переход любовной лирики Сопровского в зрелую стадию, и можно только сожалеть, что ранняя гибель поэта не позволила ему приумножить число шедевров зрелой лирики любви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гандлевский С. Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. – / С. М. Гандлевский. – Екатеринбург : У-Фактория, 2000. – 432 с.
2. Сопровский А. «Признание в любви»: Стихотворения, статьи, письма / А. А Сопровский. – СПб. ; Москва : Летний сад, 2008. – 640 с.

In the article the individual peculiarities of love theme in A.Soprovskii works have been shown. First of all it has been determined that a love category in his artistic world was inserted in rigidly organized value hierarchy. Soprovskii as a poet- traditionalist actualized the principle of value order of world picture and love held the highest place on this value scale. That's why Soprovskii has not only many poems about love but a feeling of love as a constant poet's state is reflected even in those works which do not touch the theme of love directly – separate images or even words (for example appeal to the beloved in a poem, which have nothing to do with the love theme) indicate such constant «background» presence of the feeling of love.

A love in Soprovskii's value system is endowed with such high status not only immanently but also in opposition to pseudo values of soviet society. Deep and sensible existence in love is represented as an alternative to faceless, senseless and merciless world of rituals of soviet official culture. Love becomes both a peculiar form of humanistic resistance to anti humanistic regime and a way of preservation of a personality in the faceless surroundings. In this sense a word «passion» is used symptomatically in Soprovskii's poems: passion in an equal degree marks both love and hatred to the soviet political regime; passion of affirmation of love as the highest value goes hand in hand with passion of denial of power (a poem «To beloved, to city and to power...»).

A style and poetics of works dedicated to that theme are connected with a high value status of love. First of all, Soprovskii revives a lofty style in Russian poetry of the last third of the XXth century. It is achieved not by using lofty poetical vocabulary but using lots of allusive references to classical texts and with the help of figurativeness endowed with lofty semantics. These are, first of all, natural space images (sky, wind, rain, stars, sunsets etc.) in the middle of which love plots of Soprovskii lyrics are taking place, as well as art images (music, architecture). That's why a world of love in Soprovskii's works is taken out of the sphere of everyday life, it doesn't touch the worldly pragmatic level.

At last the evolution of the theme of love in late Soprovskii is indicated in the article. Nostalgic motives which give the melancholy sounding to the theme of love in poems of the end of 1980s have been revealed.

Key words: lyrics, theme, motive, allusion, lofty style.

Отримано: 15.10.2014 р.

УДК 821.161.2-32.09.

Маркітантова Є.В.

ЕКЗИСТЕНЦІЯ ЖІНКИ В НОВЕЛІ ГАЛИНИ ТАРАСЮК «ТІКАЙМО, АДАМЕ, ТІКАЙМО!..»

Стаття присвячена аналізу новели «Тікаймо, Адаме, тікаймо!..» крізь призму ідей філософії екзистенціалізму. Акцентуються проблеми втечі людини з буття, невідворотності долі, протидії ворожому світу. Доведено, що керуючись принципами екзистенціалізму, Г. Тарасюк творить власну образну систему.

Ключові слова: екзистенціалізм, екзистенція, образ-символ, тривання на межі.

Філософська категорія «екзистенція» – центральне поняття філософії екзистенціалізму, що була обґрунтована данським філософом Сереном К'єркегором у першій половині ХІХ ст. і запозичена літературознавцями напередодні другої світової війни. Ж.П. Сартр розглядає екзистенціалізм «в розумінні людського достеменного існування, живої процесуальності, відкритої динаміки реалій, в якій «існування передує сутності» [2, 317].

Дискурс екзистенціалізму має свої прояви і на українському ґрунті. Знайшовши свій вияв у різних версіях (есеїстичній, романістичній, новелістичній, повістевій) у творчості Лесі Українки, Ольги Кубилянської, Івана Франка, Любові Яновської, Василя Стефаника, Тодося Осмачки, Василя Барки, ліриці Василя Стуса, він набув значного поширення у художній практиці письменників кінця ХХ – початку ХХІ століть. Це, зокрема, творчість Ліни Костенко, Ігоря Римарука, Марії Матіос, Юрія Андруховича, Ірен Роздобудько, Галини Тарасюк, Люко Дашвар, Євгенії Кононенко.